

На дне. Дачники (сборник)

Автор:

Максим Горький

На дне. Дачники (сборник)

Максим Горький

Школьная библиотека (Детская литература)

В книгу вошли пьесы великого русского драматурга и писателя Максима Горького «На дне» и «Дачники».

Для старшего школьного возраста.

Максим Горький

На дне. Дачники (сборник)

Пьесы

© Троицкий В. Ю., вступительная статья, 2001

© Веркау А. Р., иллюстрации, 2001

© Оформление серии. «Издательство «Детская литература», 2001

?

1868–1936

А. М. Горький – драматург

(о пьесах «На дне» и «Дачники»)

В начале XX века, когда еще жив был великий Лев Толстой и память современников хранила живые воспоминания о недавно ушедшем А. П. Чехове, в русской литературе уже прочно утвердился авторитет молодого писателя Максима Горького. Под таким псевдонимом начал свой писательский путь Алексей Максимович Пешков (1868–1936), человек удивительной судьбы, необыкновенного дарования, прошедший тяжелые университеты жизни и достигший мирового признания.

Его творчество в это время не просто привлекало внимание современников, но, без сомнения, имело большое влияние на литературу и общество. В нем слышались совершенно новые мотивы человеческого достоинства, звучали резкие ноты протеста против унижения человека и социальной несправедливости, наконец, утверждалась вера в светлое будущее, которое обязательно придет, если человечество станет твердо и последовательно стремиться к изменению установленных порядков. Порядков, позволяющих одним легко и беззаботно жить в роскоши, не трудясь и не ведая угрызений совести, а других – массу трудящихся – обрекающих на бедность, непосильный труд и несправие.

Вслед за первыми, романтическими по духу произведениями, написанными в 1890–1900-х годах («Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), последовали его рассказы, где глубокое аналитическое изображение жизни преобладало («Метель», «Супруги Орловы», «Горемыка Павел», «Озорник», «Двадцать шесть и одна», «Фома Гордеев» и мн. др.).

В начале XX века Максим Горький впервые заявил о себе как драматург и сразу обратил на себя внимание зрителей, литературных критиков, и воистину стал восходящей звездой на небосклоне русской сцены.

Первой (и едва ли не самой замечательной) пьесой А. М. Горького стала его социально-психологическая и философская драма «На дне», которой писатель дал скромный подзаголовок: «Сцены».

Эта драма требует умного и любознательного чтения, но всякий, кто преодолеет стремление пробежать написанное, не вникая в его глубину, будет вознагражден; он увидит и поймет многое ценное и прекрасное, неведомое другим...

Зачастую драматические произведения воспринимаются как бы «по традиции»: их понимание определяется нередко смыслом основного столкновения, в котором и раскрываются наиболее значительные черты главных героев пьесы. При этом многочисленные детали, отражающие существенные стороны мировосприятия персонажей, если и не упускают из виду, то, по крайней мере, не привлекают должного внимания читателя или зрителя. Между тем, если мы имеем дело с классикой, в этих деталях, в многочисленных словечках, брошенных как бы вскользь и, как считает иной не очень образованный читатель, «для колориту», содержится, как правило, нечто очень важное, а иногда и существеннейшее для осознания предметного содержания текста, а значит, и для создания и воссоздания тех художественных образов – характеров, через которые и передается реальный глубинный художественный смысл произведения.

Современники по преимуществу оценивали «На дне» (1902) как «настоящую литературную революцию», «апофеоз нового слова и новой литературной мысли...»[1 - Новости дня. 1902. № 351. 24 дек.]. В этой драме писатель воссоздал жизнь обездоленных «низов», судьбы людей, поставленных на грань выживания. Таких были десятки тысяч во многих городах капитализирующейся России.

Страдающие от нищеты, отвергнутые «цивилизованным» обществом, они по своей нравственности зачастую не ниже его. Опустившиеся «на дно», они сохраняют прежние свойства своей натуры, многие привычки и представления. Однако нелепость некоторых из них в новых условиях становится очевидной и им самим. В прошлом они оставили иную, неудавшуюся жизнь, с ее рухнувшими

надеждами и неосуществленными планами.

Люди эти мучительно ищут ответы на вопросы, поставленные социальной действительностью. Они рассуждают о своих судьбах, о человеке и мире, то заблуждаясь, то обретая трезвый взгляд, а иногда и мудрую доброту, которая помогает им выжить в условиях крайней бедности и несправедливости. При этом за бытовыми, личными разговорами просматривается для проницательного читателя «второй план», философский смысл, упускаемый поверхностным взглядом.

Художественная организация текста, заложенный автором смысловой потенциал выводят драматические события и речи, рожденные житейской мудростью и отчаянием, далеко за пределы «наглядных частных случаев», рождая ситуации и образы необыкновенной содержательности. В обыденных спорах герои пьесы решают вопросы – о справедливости, о человеческом достоинстве, о свободе, о смысле жизни, правде и вере. Как известно, первая постановка пьесы состоялась 18 декабря 1902 года на сцене Московского Художественного театра.

Неожиданная картина возникла перед зрителями: «Подвал, похожий на пещеру. Потолок – тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. <...> Везде по стенам – нары...»

Здесь живут «бывшие» люди, «выпавшие» из разных сословий и потерявшие прежнее положение в обществе.

В пьесе сталкиваются меж собой ночлежники и их хозяева. При этом босяки, говоря словами Горького, как правило, «находятся в вечной кабале у содержателей ночлежек», которые «так ставят дело, что человеку необходимо совершить преступление...».

В сумрачном царстве нищеты и безысходности властвует жена хозяина ночлежки Михаила Ивановича Костылева Василиса (имя ее значит «царствующая»).

На самых низких ступенях социальной лестницы – остальные: Васька Пепел (тоже «царствующий») любовник Василисы, слесарь Клещ и его жена Анна; девица легкого поведения Настя, торговка пельменями Квашня; картузник

Бубнов, Барон, Актер, Сатин, сапожник Алешка, крючники[2 - Крючник – таскающий тяжести с помощью крюка, носильщик.] Кривой Зоб и Татарин, наконец, сестра хозяйки – Наташа и появившийся в ночлежке старец Лука, странник.

С первых сцен постепенно обнаруживается скрытый от поверхностного взгляда смысл слов и событий пьесы. Так, в небольшом диалоге первого акта улавливаем мы за словами, непонятными Актеру, философский взгляд на жизнь «образованного человека» – Сатина.

Актер(громко, как бы вдруг проснувшись). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...

Сатин (улыбаясь). Органон.

Актер(настойчиво). Не органон, а ор-га-ни-зм...

Сатин. Сикамбр[3 - Сикамбр. – Сикамбры – древнегерманское племя, жившее по берегам Рейна.]...

Актер(машет на него рукой). Э, вздор! Я говорю – серьезно... да. Если организм – отравлен... значит – мне вредно мести пол... дышать пылью...

Сатин. Макробиотика[4 - Макробиотика – наука о продлении жизни, одним из основателей которой был немецкий врач К. В. Гуфеланд (1762 – 1836). Книга Гуфеланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (Спб., 1852) в переводе имела подзаголовок «Макробио-тика».]... ха!

Актеру неизвестно, что «органон» в переводе означает «орган знания, разумность». Сатин ведет речь о том, что отравлен, поврежден сам Разум, разумность устройства жизни.

Актера, не понимающего его слов, Сатин называет дикарем: ведь сикамбры – это древнегерманское доисторическое племя, располагавшееся по берегам Рейна.

Не понимает Актер и последнего слова, которым Сатин поддразнивает собеседника. «Макробиотика» – так называлась в переводе книга немецкого врача К. В. Гу-феланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (Спб.,1852). А следовательно, содержательность диалога недоступна не только Актеру, но и не знающему смысла слов – зрителю.

В речах героев сходятся приземленный, бытовой, и философский, глубокий, взгляды на жизнь. Художественная логика происходящего постепенно подводит нас к пониманию философского смысла горьковского произведения. В нем поставлено столько самых разных жизненно важных вопросов, что для их освещения потребовалось бы многотомное исследование. Коснемся лишь главных.

Читателю и зрителю ясно, что судьба большинства жителей ночлежки, да и ее хозяев развивается как социальная драма и завершается как трагедия.

Есть тому общая причина: равнодушие к человеку в обществе, основанном на лицемерной буржуазной морали. Там, где узаконены самодовлеющий прагматический расчет и накопительство, любой может стать жертвой социальных обстоятельств. События пьесы подтверждают это. Убит в драке Костылев; попадают в тюрьму Василиса и Васька Пепел. Пропадает без вести изуродованная Василисой ее сестра Наташа, не раз умиротворявшая обитателей «дна» (имя ее в переводе значит «утешение»). Умирает бедствовавшая до своей кончины жена Клеща – Анна. Сам же он после смерти жены теряет надежду на достойную жизнь труженика («инструмента – нет, все – похороны съели») и смиряется со своим положением. Озлобляется против всех до тех пор возрождавшаяся духом в выдуманных ею романтических историях Настя (имя ее переводится как «воскресшая»). Кончает с собой Актер. Становится инвалидом Татарин («руку-то раздавил на работе... отпилить напрочь руку-то придется»).

Настоящее ночлежников – мрачно, будущее – тревожно и темно. Прошлое печально, но ничем уже не грозит им. Поэтому с таким упоением все они рассуждают об ушедшей жизни, и слова «был», «было» не сходят с их уст. Даже наиболее независимый старожил ночлежки Сатин упоминает, что «был мальчишкой... служил на телеграфе», «был образованным человеком». «А я вот скорняк был», – говорит в ответ Бубнов, рассказывая драматическую историю ухода от своей жены. Лука спрашивает: «А ты, милый, бароном был?» Барон рассказывает, как в давние времена пил утром в постели кофе со сливками и как при Николае Первом его дед «Густав Дебиль... занимал высокий пост...

Богатство... сотни крепостных... лошади... повара. Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты... кареты с гербами!» И, однако же, бросает о себе: «Все уже... было...» Актер также нередко вспоминает о своем артистическом прошлом, когда его, выступавшего под именем Сверчкова-Заволжского, сопровождал гром аплодисментов.

Однако же все, бывшее ранее, оказывается лишенным смысла или лживым, и прежде всего потому, что законы, по которым живет буржуазное общество, как правило, унижают человека-труженика, обесмысливают человеческий труд, самую жизнь, способствуют возникновению в ней грубому практицизму, бесчестию, лжи и безверию. Достаточно вспомнить цинические слова полицейского Медведева: «Никого нельзя зря бить... бьют – для порядку...»

Яркое обвинение этому обществу звучит в речах Сатина. «Работа? – полемически возражает он Клецу. – Сделай так, чтоб работа была мне приятна... когда труд – удовольствие, жизнь – хороша. Когда труд – обязанность, жизнь – рабство!» Сатин имеет в виду осмысленный, созидательный труд «для лучшего», труд, в котором человек чувствует себя нужным, полезным и по достоинству оцененным.

В буржуазном обществе такое чаще всего невозможно. Не случайно резонер Бубнов на слова Насти «лишняя я здесь» заявляет со спокойной безысходностью: «Ты везде лишняя... да и все люди на земле – лишние». Поэтому-то и труженики, подобные Клецу, не находят себе места. Хотя Клец и отстаивает упорно мысль о достоинстве рабочего человека, Сатин возражает ему: «Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется...»

Судьба и жизнь людей «дна» служили неопровержимым доказательством насилия над человеческой личностью, которое неизбежно возникает в условиях буржуазного государства, основанного на принципах лжи и равнодушия к человеку. Именно поэтому пафос сатинской речи («Человек – свободен!..») вызывал гром аплодисментов.

Утверждение свободы и достоинства человека, на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился, звучало особенно мощно в обстоятельствах, где человек унижен, ограблен и, как правило, лишен возможности вернуться к образу жизни, обеспечивающему достойное существование. Все это было обвинительным приговором лицемерной буржуазной морали и достойным ответом на вопрос, как надо утверждать «человеческое в человеке». Для этого,

как следовало из пьесы, нужно уничтожить ложь, лежащую в основе общественных отношений. Не случайно Сатин не без язвительности замечает: «Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди... говорят, как шулера?» Итак, истинная свобода находится за пределами той необходимости, в которую ставит людей современное общество.

Не у одного Клеща – у всех ночлежников и у тысяч, подобных им, нет ни работы, ни пристанища, ибо общество, порождающее нищету и бесправие, – на ложном пути. «Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающего с голода», – заявляет Сатин. Именно это в первую очередь имеет он в виду в своей страстной речи о человеке: «Ложь – религия рабов и хозяев». На ней нельзя строить жизнь «для лучшего». Этот ведущий мотив пьесы остро ощутили зрители предреволюционной обстановки 1900-х годов, воспринимая «На дне» как «пьесу-Буревестник, которая предвещала грядущую бурю и к буре звала» – так передавал свои впечатления великий русский актер В. И. Качалов [5 - Качалов В. И. Из воспоминаний // М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 206.]. На этой революционизирующей стороне горьковской драмы обыкновенно сосредоточивали внимание в советский период развития русской литературы. При этом не менее важные проблемы человеческого бытия, вопросы духовной жизни героев оказывались как бы приложением к социальным проблемам.

Но социальная проблематика, определяемая недопустимым различием имущественного уровня и правового положения общества, – лишь одна сторона многогранного идейно-художественного содержания горьковской пьесы. Ее герои постоянно рассуждают о человеке и человеческом достоинстве, о смысле жизни. А их воспоминания служат способом самоутверждения людей, живших в обществе и некогда признаваемых им.

Достоинство и независимость неразрывно соединены в их сознании. Если хозяин Костылев утверждает, что «человек должен определять себя к месту», то ночлежники стремятся к независимости или освобождению от связанного обстоятельствами жизненного положения.

Квашня заявляет, что она «свободная женщина, сама себе хозяйка», не желает «вписываться в паспорт», то есть отдавать себя в крепость мужчине, «будь он хоть принц американский». Клещ всеми силами стремится выйти из-под неволи Костылевых. Пьяный сапожник Алешка диким образом утверждает разнузданно понимаемую им «свободу». Василиса хочет, чтобы Пепел «освободил» ее от

мужа. Свободно бродит по свету, наблюдая «дела человеческие», старец Лука, собирающийся поглядеть на «новую веру», которую будто бы открыли в Малороссии. Наконец, Сатин вдохновенно провозглашает: «Человек – свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за все платит сам, и потому он – свободен!» Так утверждает герой пьесы свободу воли и неизбежность ответственности за эту свободу. «Человек за все платит сам» – означает на деле, что всякий поступок человека неизбежно предопределяет в чем-то его судьбу в мире вещественном и духовном.

В этой речи Сатин поднимается до утверждения личности в человеке, до духовного понимания свободы. Его слова: «Человек – выше! Человек – выше сытости» – вполне доказывают это.

С такого этапа внутренней независимости только и может начаться освобождение от общественного и любого другого насилия и преодоление бесправного положения людей «дна». Поэтому-то многие ночлежники во всем пытаются преодолеть принятую обыденность и «стандартность», утверждают разными, иногда наивными способами свою неповторимость и самобытность. Тем самым они как бы упрочивают свое право на свободу во мнении окружающих.

Однако сознание человеческого достоинства ночлежников повреждено. Это сквозит в их обыденном отношении к окружающим и в их речи: они унижают друг друга бранными кличками и словами («козел ты рыжий», «старая собака», «нечистый дух», «дуреха», «щенок», «свинья», «звери», «бродячие собаки», «волки» и т. п.), не осознавая, что, произнося эти ругательства, они оскверняют прежде всего человека в себе, свое личное достоинство.

В иных же представлениях некоторые из них обнаруживают признаки злокачественного повреждения важнейших чувств, которые делают человека человеком, – чувства стыда и совести. Ведь в цинических словах Пепла («А куда они – честь, совесть?», «...в совесть – я не верю»), в подобных репликах Бубнова и даже Сатина открываются язвы цинизма, растлевающего человека.

И это также неслучайный признак героев, но более всего признак времени, признак декаданса (упадка) буржуазной культуры, отраженным образом воспринятый босяками, ведь характернейшим признаком этой культуры является индивидуализм, нравственное своеволие, стремление унижить, развенчать человека, изобразить его игрушкой слепых сил, главное же –

«свободно» отказавшимся от вечных нравственных ценностей.

Не всех одолел этот цинизм: осталось у многих прочное человеческое начало. Это подтверждают, например, горячие слова Татарина: «Надо играть честно!», «Надо честно жить!». И тот же Сатин провозглашает: «А кто – сам себе хозяин... кто независим – не жрет чужого – зачем тому ложь?» И все же многие ночлежники развращены циническим нигилизмом.

Есть «на дне» тот, кто не унижает себя подобным образом. Это старец Лука (что в переводе значит «светлый»). Его обращение к ночлежникам и слова о них вполне достойны человеческой речи («народ честной», «девушка», «батюшка», «браток», «голубка», «люди», «человек», «мать», «матушка», «милая», «детынька», «дядя»[б - В речах притворяющегося святошей Михаила Костылева (его имя переводится как «подобный Богу», но в сочетании с «говорящей» фамилией оно выглядит снижено, почти пародийно) и Константина Сатина (имя его в переводе означает «постоянный», но дается оно зачастую по контрасту человеку, обладающему устойчивым непостоянством) смешиваются в отношении к людям достойные и недостойные слова.]. Достоинство выражений не исключает резкости его осуждающего взгляда. Лука открыто говорит хозяину ночлежки: «Вот ты, примерно... Ежели тебе сам Господь Бог скажет: «Михайло! Будь человеком!» Все равно никакого толку не будет... как ты есть – так и останешься».

Из уст Луки впервые слышат зрители слова о сущности человека, которая определяется не социальным положением, не богатством, не чинами и званиями, а чем-то иным. «Как ни притворяйся, а человеком родился, человеком и помрешь».

В устах Луки, помогающего Анне, естественно звучат речи о внимании к человеку: «...а разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит...» Несколько позже, убеждая Актера бросить пьяную жизнь, он говорит с уверенностью: «Человек – все может... лишь бы захотел...» И вовсе не лицемерием вызваны его слова в разговоре с Наташей: «Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... Жалеть людей надо!.. вовремя человека пожалеть... хорошо бывает», именно Лука подводит итог одному из разговоров: «...порядка нет в жизни... чистоты нет». И сам без уговору берется подметать пол. Рассказанная же им история из прошлого, когда он служил в Сибири сторожем на даче, подтверждает ту его мысль, что всякий человек нуждается в добром отношении.

Лука то вступается за Настю, устыжая Барона («Ты, барин, зачем девку тревожишь?»), то упрекает Квашню за равнодушие к Анне. Он всегда сочувствует людям, в том числе тем, кто унижен, беспомощен и даже грешен («я и жуликов уважаю»), потому что изначально ценит человека, а не его грех. Это также подтверждает упомянутый рассказ Луки: воры – просто отчаявшиеся от голода «хорошие мужики» Яков и Степан.

Лука первый поддерживает любую мысль о человеческом достоинстве: «Верно: человек должен уважать себя». Он понимает, что уважать себя может только тот, кто живет во имя чего-то значительного и высокого: «Всяк думает, что для себя проживает, а выходит, что для лучшего!» Это «лучшее» старец определяет как «лучшего человека», совершенного в своем сознательном творчестве. В вечном самосовершенствовании видит он смысл земного бытия. Поэтому-то и советует он уважать ребятишек: «Ребятишкам простор надобен! Деткам-то жить не мешайте... Деток уважьте!»

Эта мысль Луки означает его ответ на вопрос о смысле жизни для лучшего. Сатин в своем заключительном монологе о человеке только по-своему повторяет эту мысль, затемняя ее. Человек как возможность, как лучшее, превращается в некоторую «усредненность» («ты, я, они, Наполеон, Магомет... в одном»). И здесь, несмотря на страстный пафос речи героя во имя человека и смысла его бытия, как бы теряется ясная иерархия ценностей, выстроенная в речах Луки. Вправе ли мы не заметить этого?

Вчитываясь в текст горьковской пьесы, мы не можем не заметить, что немалую нагрузку несут споры о правде и их смысловое содержание.

Разговоры и споры эти возникают с первых реплик пьесы и не прекращаются до ее конца. Этому слову каждый из говорящих придает какой-то новый, особый смысл или оттенок, объясняющийся предметными обстоятельствами, о которых идет речь, и уровнем представлений собеседников. Так что иногда понять друг друга они не могут, потому что говорят о разном.

Чтобы осознать смысл этих споров, нужно помнить мудрое замечание Луки: «...не в слове – дело, – почему слово говорится – вот в чем дело».

Сам Лука, кажущийся окружающим странным и даже лукавым, на самом деле говорит прямо и никому не лжет.

Не лжет он Актеру: «...Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат... такая уж лечебница устроена для пьяниц, чтобы, значит, даром их лечить...» И действительно, первая русская лечебница для алкоголиков с платными и бесплатными местами была открыта в Казани уже в 1896 году, в 1898-м подобная лечебница была открыта в Москве, а в 1900-м – в Киеве. Так что Лука не попусту обнадеживает Актера, прибегая к ободряющему внушению. Более того, ему удастся на время свернуть Актера с губельного пути. И только воздействие закоренелого пьяницы и циника Сатина вновь подрывает в нем стремление освободиться от своего застарелого недуга.

Некоторые разговоры Луки кажутся парадоксальными[7 - Парадокс – здесь: необычное мнение, внешне противоречащее здравому смыслу.].

Первый парадокс о правде содержится в рассказе Луки умирающей Анне: «А Господь – взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится... Знаю я, жила она – очень трудно... очень устала... Дайте покой Анне».

Можно ли сказать, что Лука говорит ложь? Конечно же нет. Ведь старец в наивном изложении передает догматические представления христианской веры, представления, подобные которым были и есть очевидны и истинны для всех православных людей России. А приписывать Луке атеизм (безбожие) нет оснований.

Второй парадокс о правде возникает в разговоре Пепла и Луки. Хвалебные слова Луки о Сибири Пепел резко прерывает: «Старик! Зачем ты все врешь?» На что Лука отвечает: «А ты мне – поверь, да поди сам погляди... Спасибо скажешь...» И продолжает: «И... чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя!»

Лука искренен. Он-то знает, что в далекой Сибири ловкий, дерзкий и сильный переселенец Васька Пепел, наверное, смог бы найти себе и место и труд по душе. Слово «правда» в ответе Луки означает не больше чем принятое мнение, выдаваемое за действительность. Но Луке Сибирь известна, и он вправе дать такой, далеко не лишенный смысла, совет.

Не его вина, что этой правде Васька Пепел не последовал, хотя и стал было о том подумывать. О его намерениях свидетельствует разговор с Наташей («Я

сказал – брошу воровство! Ей-богу – брошу... я грамотный... буду работать... Вот он говорит – в Сибирь-то по своей воле надо идти... Едем туда. Ну?...»).

Третий парадокс о правде – в оценке выдуманного рассказа Насти о драматическом свидании с возлюбленным. Лука не менее других понимает, что история сочинена, но не спорит, не отрицает ею сказанного: «Я верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит – была она!» И Лука опять не врет. Ведь он говорит не о реальных фактах, не о событиях, а о чувствах, на которые способна Настя и которых так ждет она, поруганная и оскорбляемая всеми. По всему видно, что страшная жизнь не исковеркала ее натуру, и в ее фантазиях, в ее душе живет истинная любовь. Любовь как чувство, пронесенное через унижение, конечно же была у Насти. И в этом глубоком смысле Лука опять говорит правду.

В разговоре с Бубновым Клещ в припадке отчаяния прокликает правду. Он понимает под правдою прежде всего жизнь, как она есть, безысходность своего положения. Здесь Лука, вмешиваясь, подводит к мысли, что «правда не всегда по недугу человеку... не всегда правдой душу вылечишь». Это значит, что безусловное признание такой жизни, как она есть, без возможности и надежды ее изменить, – зачастую невыносимо.

История о праведной земле также не выдумана старцем. Веру в очевидную реальность такой земли – Беловодья исповедовали странники (или бегуны). К этой раскольничьей секте по всем признакам и принадлежал Лука. Не случайно он не имеет паспорта: бегуны сжигали его при вступлении в секту в знак того, что порывают с миром антихриста. Не случайны и его знаменательные слова в разговоре с Бароном: «Они-то, бумажки, все такие... все никуда не годятся». Дело в том, что все государственные бумаги бегуны считали проштемпелеванными антихристовой печатью и отрицали их. Не случайно Лука жил «под Томском-городом». Именно здесь находились перевалочные пункты бегунов, направлявшихся в поисках праведной земли в восточные области, надеясь найти ее то близ Китая, то на Японских, Сандвичевых и Аландских островах[8 - В 1903 году появилось одно из ярких описаний подобного путешествия – книга Г. Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» с предисловием В. Г. Короленко.].

Итак, Лука не лжет, даже не уклоняется от правды. Он очень точно отвечает на вопрос Пепла («Слушай, старик, Бог есть?»): «Коли веришь – есть, не веришь – нет...»

Нужно помнить, что, согласно православным представлениям, Бог находится («почивает») лишь в душе человека верующего. А в душе неверующего Бог отсутствует; человека же, осквернившего свою душу, Бог покидает и уже не служит ему спасителем...

Сказанное о Луке вовсе не значит, что он идеальный герой. Его характер сложен. В нем есть и доля снисходительного равнодушия, и расчетливой осмотрительности, и даже эгоизма.

Между тем в споры о правде Актер вносит еще один значительный мотив, читая строк и из стихотворения П. Беранже «Безумцы». В нем нет, однако, однозначного противопоставления святой правды и успокаивающей лжи. Его мысль сложнее. В нем говорится о дерзкой до безумия человеческой мысли, способной, как солнце, осветить путь человечеству. И в этой дерзости есть своя правда.

Есть еще одна существеннейшая сторона пьесы М.Горького, далеко не достаточно проясненная исследователями, – область веры. Веры как личного убеждения и веры как истинного знания, имеющего «недосказываемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово» (св. Максим Исповедник).

Ночлежники иногда вспоминают и беседуют о вере, но чаще всего понимают ее в обыденном смысле. Поглощенные нелегкой добычей хлеба насущного, обитатели «дна» в большинстве своем глубоко равнодушны ко всему над-обыденному: к Вечному, Святому, к Богу. Мысли обо всем этом возникают у них только как короткая вспышка светлого чувства, порыв к лучшему или духовная греза. Им свойственно упрощенное и прагматическое отношение к религиозной традиции.

Квашня, например, недовольна, что Бог не уладил ее отношений с покойным мужем: «Я Богу жаловалась восемь лет – не помогал».

Зачастую слово «вера» они употребляют в значении «убежденность в какой-то мысли» или «согласие с чьим-то мнением».

Так, Актер утверждает, что главное – «вера в себя»: «Я говорю – талант, вот что нужно герою. А талант – это вера в себя, в свою силу...» Без этого, считает он, «никогда, ничего...» И позже отвечает на свой вопрос: «А почему – погиб? Веры у меня не было...»

Сатин верит лишь в человека и его разум: «Существует только человек, все же остальное – дело его рук и мозга! Человек. Это – великолепно! Это звучит... гордо!»

Но какого человека имеет в виду Сатин? Он включает в ряд великих его образцов Наполеона и Магомета. Их объединяет огромный умственно-волевой напор. Первый залил кровью пол-Европы, подчинив себе многие народы, второй выступил могучим проповедником религии земного господства. Получается, что Сатин говорит о каком-то сверхчеловеке, воплощении ума и воли... Это взгляд на человека без любви, поставленного как бы в центр Вселенной.

Немногие среди ночлежников сохранили признаки веры в традиционном, жизненаправляющем смысле. Такая вера – прежде всего особого рода целостный взгляд на действительность и вытекающее из него отношение к людям и миру. Такая вера означает твердое согласие разума с представлением о Высшем начале, о Боге. Она предполагает у человека бессмертную душу и исходит из того, что «в душе» верующий человек может беседовать с Богом, молиться Ему и получать от Него помощь в земной или загробной жизни или – наказание.

Никто из ночлежников, кроме Татарина, не молится, не вспоминает о Священном Писании так, как Татарин ссылается на Коран и на Магомета. Значит, ни у кого из них нет веры. Правда, Лука вспоминает Господа и, судя по всему, исповедует Христа. Однако же и он нетверд в этом. Проблеск веры возникает у Актера перед самоубийством, когда он просит Татарина помолиться за него. На это Татарин отвечает ему, помолчав: «Сам молись...» Этот ответ не означает равнодушного отказа, ведь чтобы получить помощь свыше, надо самому обратиться к Богу.

Итак, все ночлежники живут «без солнца»[9 - Так первоначально называлась драма А. М. Горького.], без истинной веры, без Бога. И это катастрофическое безверие усугубляет безысходность их положения.

На прочтение и новые постановки пьесы нередко влияют мнения о ней, выходящие за пределы текста и реальных обстоятельств, в нем отраженных. Эти мнения необходимо знать, чтобы понять, насколько они должны быть учтены при чтении (восприятии) текста. При этом конечно же важен авторский взгляд. Но и он не всегда оказывается определяющим, особенно же тогда, когда противоречит художественному тексту.

Многие рецензии и суждения о пьесе «На дне» испытали сильное влияние автора. Великий художник был пронизателен и художественно точен в творчестве и пристрастен в оценках. Он хотел истолковать свое произведение современно, заострить его смысл, подчеркнуть то, что волновало его в жизни. И он не раз объяснял свой замысел. «Основной вопрос, который я хотел поставить, – заявлял он, например, в интервью 1903 года, – это – что лучше: истина или сострадание? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука?.. Лука – представитель сострадания и даже лжи, как средства спасения, а между тем противопоставления проповеди Луки представителей истины в пьесе нет. А кто еще не изжился, тот протестует против лжи[10 - Петербургская газета. 1903. № 161. 15 июня.]. В таком духе, клеймя Луку и восхваляя Сатина, стали писать статьи о «На дне». Однако, объективно рассмотрев пьесу, с таким толкованием нельзя согласиться: сводить поведение Луки «к проповеди терпения и смирения, пассивности и покорности совершенно неверно»[11 - Муравьев А. «Старик – не шарлатан...» О трактовке образа Луки //Литература в школе. 1980. № 6. С. 52.]. Неоднократно по-своему толкуя пьесу, автор ни разу не попытался переделать ее в соответствии со своим толкованием: талант не позволял ему отойти от истины художественного изображения.

Необыкновенный успех горьковской пьесы был закономерен. На сцене «цивилизованного общества» впервые во всей полноте предстали плоды его устройства, истинные результаты провозглашенных им свобод и прав человека.

Со сцены звучали голоса самих «униженных и оскорбленных». И, как бы обобщая их судьбу, дважды лилась на сцене унылая песня «Солнце всходит и заходит...», каждая строфа которой вносила новые краски в образы драматической судьбы ночлежников. И в этом также проявилось новаторство писателя.

Люди «дна» предстали перед зрителем в многообразии индивидуальностей, мнений, взглядов и настроений. Многоголосая Русь заговорила со сцены искренне, страстно и непримиримо правдиво. При этом атмосфера живой

исторической действительности отражалась в каждом, казалось бы, незначительном факте и сценическом повороте действия, в речах каждого героя.

Слушая слова Клеца, мы замечаем в них свойственное работающему человеку чувство уважения к труду и трудовому достоинству, в речах Сатина сталкиваются самые разные взгляды, но, однако же, направляемые его положением и жизненным опытом. В рассуждениях Луки вырисовывается свое, «странническое» понятие о государстве и сложная простонародная философия.

Не только характер речей, но и многочисленные факты, содержащиеся в них, подтверждали живую связь пьесы с исторической действительностью. О том свидетельствовали не только все разговоры Луки, но, например, упоминание Настей своего вымышленного возлюбленного, студента. Наташа, слушая ее, бросает: «Ишь! Видно, правду говорят, что студенты – отчаянные». Упоминание студента-возлюбленного имеет особый смысл: студенчество в глазах современников было «живым олицетворением всего прекрасного»[12 - Засодимский П. Из воспоминаний. М., 1908. С. 153.], потому что именно на рубеже веков ширилось студенческое движение за социальную справедливость. Представление о благородстве, великодушии, смелости и других добродетелях, присущих студентам, в это время было распространенным мнением.

Итак, пьеса Горького была сильна своим историзмом, глубинной связью с событиями и обстоятельствами современной жизни, откликом на нее.

Не менее важное идейно-художественное и историческое значение пьесы заключалось в том, что реальная жизнь, как она есть, предстала на сцене во всем многообразии вечных тем и вопросов. Горький-художник достиг той полноты, которая давала возможность каждому обнаружить в ней свое. Именно этой художественной полнотою и объясняются разноречивые мнения о пьесе «На дне». Именно эта художественная полнота изображения питала умы современников.

В то же время философский смысл споров, возникающих в горьковской драме, выходил далеко за пределы современности: вопросы свободы личности и обеспечения человеческих прав в обществе, споры о сущности и целях человека и человечества, о вере и неверии, о духовном человеке и «голом человеке», лишенном традиций и веры, – все эти и многие другие насущные вопросы сливались здесь в общую симфонию неравнодушных размышлений о человеке, в

упорные поиски правды-истины и правды-справедливости. Эти поиски по-своему продолжает каждое поколение. И глубокий художественный опыт, запечатленный в пьесе М. Горького «На дне», только еще начинает осмысляться и осваиваться нами. Новое (но без нигилистического отрицания) и углубленное прочтение пьесы, новые постановки, созданные с учетом живых жизненных деталей художественного текста, дающие возможность по-новому верно и глубоко осознать ее, еще впереди.

?

Спустя несколько лет после триумфального шествия по русской сцене драмы «На дне» А. М. Горький задумывает другую пьесу – «Дачники».

Самое ее название намекало на то, что речь пойдет о людях, временно занявших некие жизненные ниши и приспособившихся к ним, как приспособиваются к новой обстановке выезжающие летом на дачу.

Горький не случайно обратился к этому общественному слою: писатель был глубоко чужд обывательской философии известной части интеллигенции того времени, оправдывающей свое бесполезное бытие «службой». Казенная служба и жесткая казенная зависимость от начальства и «порядков» порождает в ее характерах черты лакейства, приспособленчества и самообмана, возбуждает желание «сделать карьеру», занять более высокое место, вообще обрести те психологические свойства, которые приводят к «независимости», но одновременно делают людей прагматично-эгоистичными, равнодушными и даже жестокими. Все эти интеллигенты в целом удобно устроились, благоденствуют и скучают, пытаются, каждый по-своему, развлекаться или занимать время разговорами и сплетнями. И это окончательно опустошает их.

Наблюдения над жизнью буржуазной интеллигенции вызывали у Горького-труженика, которому изначально было присуще чувство справедливости, – внутренний протест и неприятие самого типа буржуазного интеллигента, как правило выступающего в роли жалкого лакея работодателя. Этот протест побуждался и тем, что уже в начале века остро чувствовалось, что «в воздухе носится новое миропонимание, миропонимание демократическое...»[13 - Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 359.]. То миропонимание, которое присуще труженику, оценивающему человеческое достоинство по результатам труда и вносимого в мир добра...

Пьеса «Дачники» воссоздавала не «дно жизни», а ее «верхние этажи людей, в основном не задумывающихся о насущном хлебе, неплохо обеспеченных, живущих в мире обыденных интересов, житейских забот и личных отношений. Образ жизни этих людей представлял разительный контраст с тем, что видел зритель в драме «На дне». Удобная обстановка просторного дачного дома с множеством комнат, гостиной с роялем; прислуга, готовая в любой момент подать еду, вино, исполнить поручение, позвать кого-либо или зажечь светильник. Короче – все, что позволяет распоряжаться собой, как того требует служба и личные склонности и влечения.

Однако в этой благополучной обстановке все оказывается неблагополучно и даже драматично. Ибо основные герои драмы, обеспеченные насущным хлебом, лишены хлеба духовного. И это вызывает у них постоянную и глубокую неудовлетворенность своею, казалось бы, такой обеспеченной жизнью...

Действие пьесы происходит на даче преуспевающего адвоката Сергея Васильевича Басова, среди его родственников, сослуживцев, друзей и знакомых. В житейских разговорах очень скоро начинает чувствоваться внутренний разлад жизни героев, беспокойная неудовлетворенность их своим бытием.

Эта неудовлетворенность совсем иного рода, чем в пьесе «На дне». Там перед нами обездоленные люди, босяки, живущие в страшной нищете, но размышляющие, вспоминающие о прошлом, наконец, достаточно трезво оценивающие свое положение, а иногда даже мечтающие как-то изменить его. «Дачники» не в силах выйти из обыденных размышлений, отношений и хоть как-то изменить пошлость своего обеспеченного существования. Они способны лишь рассуждать о том, что их жизнь нескладна и бессмысленна...

Зрителю зачастую становится не по себе от фальши, которая так привычна и обыденна среди этих собеседников. И Басов, и писатель Яков Петрович Шалимов, и сестра Басова Калерия, и его помощник Николай Петрович Замыслов, инженер Суслов, и чета Дудаковых – все они любят поболтать, чтобы спрятать за словами свою пустоту. Так создается странное ощущение неустойчивости их обеспеченной жизни и привычного времяпрепровождения.

Иногда герои словно проговариваются: среди пустого многословия возникают искренние слова и пронизательные обмолвки. В их нервных срывах обнаруживаются проблески искреннего чувства и подлинных отношений. Однако

они быстро гаснут. И общее впечатление о большинстве этих людей выражает дачный сторож Пустобайка: «Ишь, как нахламили везде... Только хлам да сорье и останется после вас... Только землю портите!..» И не случайно жена Сулова Варвара Михайловна, ощущая никчемность жизни («Разве это жизнь?») в ответ на слова Рюмина бросает: «Мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придут какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор...» Таков общий настрой пьесы.

Итак, А. М. Горький вновь ставит вопрос о достоинстве человека и смысле человеческой жизни. Большинство героев «Дачников» равнодушны ко всему этому. Для Сулова, например, «трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой», для Калерии – «в сердцах людей всегда сумерки». Рюмин считает, что «бытие человека случайно, бессмысленно, бесцельно». Дудаков в порыве откровенности заявляет об окружающих: «...ужасно пустые люди все мы...» Брат жены Басова – Влас, воплощающий мнения людей, противостоящих «дачникам», говорит о них: «...Все эти люди... Они жалкие, маленькие, вроде комаров...» Калерия же по справедливости заявляет: «Люди... ненадежные они все... никому не веришь...»

Эти суждения закономерны в обществе, где господствует мораль, откровенно проповедуемая купцом Двоеточие: «...Созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее... На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему».

Речь идет, конечно, о материальном благополучии, которое ставится среди «дачников» выше иных благ. Именно о своем бедном прошлом вспоминают ныне преуспевающие «дачники». И Басов («Одиннадцать лет тому назад явился я в эти места... и было у меня всего имущества портфель да ковер. Портфель был пуст, а ковер – худ. И я тоже был худ...»), и Рюмин, мечтавший некогда о борьбе за все, что казалось ему хорошим и честным, а кончивший тем, что «привык жить покойно, стал ценить этот покой, бояться за него», и Сулов, относящийся к людям, которые «наволновались и наголодались в юности» и теперь хотят «много и вкусно есть, пить... вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную жизнь юных дней», и многие другие герои готовы жертвовать всем ради комфорта и благополучия. И прежде всего они жертвуют своей совестью.

Басова мало трогает, что его жена тяготится жизнью с ним, о чем она и говорит однажды достаточно откровенно («Честь быть твоей женой... не так высока, как ты думаешь... и она очень тяжела, эта честь»). Нетрудно догадаться, что преуспевающий адвокат достиг своего благополучия, поступаясь совестью. Да и

затем, он сохраняет лишь на словах внешнюю порядочность. Он замечает о Шалимове: «А этот Яшка – шельмец...» – и с показным осуждением говорит, как собирается тот отсудить имение своей умершей жены, которую он бросил, прожив с ней всего полгода. Сам же Басов, судя по всему, будет помогать «шельмецу» в этом нечистом деле, считая, что тут нет «ничего особенного».

Басов меланхолично-циничен. Его слова: «надо быть мягче, надо быть добрее... все мы люди...» – означают не требовательное уважение к человеку, но равнодушие и снисходительность к порокам.

Эта снисходительность всего лишь предпосылка для торговли совестью: он рассчитывает на такое же снисхождение к себе, когда очередной раз ему придется действовать «применительно к подлости».

Поэтому-то возражения Марии Львовны понятны и вызывают сочувствие зрителей: «Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям». Это, по существу, значит: высоко ставить достоинство человека и искренне желать ему человеческой жизни.

Цинизм Басова неоднократно прорывается по отношению к жене. Он то обзывает ее валаамовой «ослицей», то, усугубляя слова Шалимова, заявляет, что женщина ближе к зверю и необходимо постоянно применять к ней сильный и красивый деспотизм. Между тем большинство мужчин из его окружения пошло флиртует, заводя «дачные романы», или от скуки, или от присущей им беспринципности...

Немногие из героев пьесы имеют совесть и испытывают пред лицом ее чувство стыда и неловкости. Влас признается, что ему неловко, совестно жить. Варвара Михайловна постоянно тяготится проклятой суетой безделья, и ей «противно, стыдно жить так!». Еще более категорична Марья Львовна, заявляя даже: «...Мне стыдно жить личной жизнью... может быть, это смешно, уродливо, но в наши дни стыдно жить личной жизнью...» Это чувство стыда понятно, оно питается впечатлениями иной, достойной, трудовой жизни.

Действительно, и Влас, всю свою молодость проживший с отцом-деспотом, и Вера Михайловна, вспоминающая о своей матери-труженице и о ее подругах-прачках, которые обращались с ней как с равной, и Марья Львовна с ее неудавшейся семейной жизнью и верой в необходимость перестройки

общества – все они не потеряли совести, не убаюкивают ее самооправданием, способны критически оценить свою жизнь.

В пьесе А. М. Горького «Дачники», как и в драме «На дне», разговор о целях и смысле жизни остается ключевым. Для некоторых из героев, например Рюмина, жизнь – «огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв», «изо дня в день пожирает мозг человека, жадно пьет его кровь», и герой хочет «отвернуться от явлений, оскорбляющих его». Басов исповедует равнодушие, скрывая его за словами о необходимости спокойного и внимательного отношения к окружающему. Для большинства действующих лиц пьесы – жизнь скучна и бесплодна.

И все это потому, что самое их понятие жизни примитивно и сводится к потребительству. Философию потребительства вполне выражает некогда вдохновлявший умы ренегат Яков Шалимов: «Я устал быть серьезным... Я не хочу философии – сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы... Я хочу гулять, ухаживать за дамами...»

Еще более откровенно и цинично высказывается Суслов: «...Я обыватель – и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем... я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши рассказы... призывы... идеи!»

Эту философию так или иначе молчаливо разделяют и Басов, и Дудаковы, и Замыслов. Ее так или иначе принимают даже порывистая и откровенная во взглядах на общество Калерия и безвольный романтик Рюмин. Ей, этой философии, по существу, противостоят Марья Львовна, Влас, Варвара Михайловна, Соня.

Но в противостоянии ложной потребительской философии много странного и настораживающего. Никто из протестующих против бессмысленности «дачного» жизнеустройства не нашел своего пути: все они живут рядом с потребителями и, осуждая их, сами блуждают на путях к неопределенным целям. И даже явно враждебная «дачникам» Марья Львовна, по словам Суслова, «так называемый идейный человек», хотя и делает «что-то таинственное... может быть, великое, историческое», продолжает жить среди обличаемых ею людей, пользуется их гостеприимством, ведет с ними долгие беседы, то есть справедливо и нещадно браня их, – с ними сосуществует.

А. М. Горький, однако, связывал с этой героиней главную мысль пьесы. «Ключом к ней является, на мой взгляд, монолог Марьи Львовны в IV акте», – писал он в одном из писем[14 - Из письма А. М. Горького Максиму Рейгардту, немецкому режиссеру, от декабря 1904 г. // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2 8. С. 345.]

В своем монологе Марья Львовна с пафосом призывает «работать для расширения жизни», «для себя», «для того, чтобы не чувствовать проклятого одиночества», полного «тревожной суеты и внутреннего раздвоения». Она призывает «перестроить, осветить жизнь родных нам людей, которые все дни только работают, задыхаясь во тьме и грязи», найти «для них дорогу к лучшей жизни...». Иными словами, она желает помочь трудовому народу, тем, кто необеспечен, беден, в поте лица зарабатывает средства к существованию. Это достойное, замечательное желание!

В понятии «лучшая жизнь» для героев горьковской пьесы все связано с добыванием насущного хлеба, нет ни намёка на духовную сторону народного бытия. Ведь жизнь, полная «тревожной суеты и внутреннего раздвоения», естественно, возникает там, где иссяк ее духовный источник.

И здесь Марья Львовна беспомощна: она может только давать самые общие советы: «Уезжайте... уезжайте скорее, голубчик!.. – советует она Власу. – Работайте, ищите места в жизни... Будьте смелым, не уступайте никогда силе житейских мелочей...»

Между тем ее замужество «было трехлетней пыткой»; ее жизнь проходит среди чуждых ей людей, ее идеалы недостаточно ясны ей самой, и, отрекаясь от предрассудков и традиций, она постоянно прислушивается ко многим из них и им подчиняется. Она исповедует нигилизм: жаждет переустройства общества на разумных началах, подчиняет «логике» все самые сокровенные свои чувства. Она воспитала дочь по своему образу и подобию, как «товарища». И та фривольно называет ее при всех «мамашкой», считает себя вправе давать ей «на равных» советы и вообще вести себя с ней как с подружкой. Все это противоестественно культурным традициям и чревато многими утратами в будущем. За внешней и чувственной солидарностью поколений проступает общая нищета духа.

И не лишены оснований слова, брошенные Калерией на вопрос Шалимова «...кто знает, что это за зверь – демократ?»: «...Вы тысячу раз правы... Это еще зверь, варвар! Его сознательное желание одно – быть сытым». Наверное, еще более

справедливы слова Калерии: «Жизнь обновляется людьми верующими, аристократией духа...»

Во что же веруют эти люди?

«Дачники» не знают Бога и, вероятнее всего, исповедуют религию атеизма. «Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может переродить его. Или она в нем, или ее нет!» – говорит Варвара Михайловна. На вопрос, во что он верит, Замыслов отвечает: «Только в себя... Верю только в мое право жить так, как я хочу!» Юлия Филипповна решительно заявляет своему любовнику: «А вот я ни во что не верю...» Лишенные веры, многие из героев пьесы относятся враждебно к тем, кто говорит суровую правду и видит в этом свой неизбежный долг. «Марья Львовна, – бросает Рюмин, – в высокой степени обладает жестокостью верующих... слепой и холодной жестокостью... Как это может нравиться?»

Но все эти слова не отражают вполне внутреннего состояния героев. Оно – сложнее. Варвара Михайловна мечтает «уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело.» И вместе с тем не замечает искреннего отчаяния влюбленного в нее восторженно-слабовольного Рюмина. Пошлые речи Басова вдруг сменяются добрыми (и, наверное, искренними) словами о любимой им России, а мечтательная Калерия, которой свойственны духовные порывы, вдруг как бы невольно отрицает абсолютную истину. («Человек, который думает, что истина открыта, для меня умер»), то есть косвенно утверждает идею безбожия...

Герои пьесы «На дне» поют песню, символизирующую их положение:

Солнце всходит и заходит,

А в тюрьме моей темно...

Тюрьма материальной нищеты окружает ночлежников. У «дачников» иная беда. Калерия произносит созвучную упомянутой песне фразу: «Восходит солнце и заходит, – а в сердцах людей всегда сумерки». «Сумерки души» – вот основная болезнь «дачников». Их жизнь лишена духовного содержания, духовного смысла. Они утратили духовную связь с теми, о ком они пекутся, они не вспоминают о Боге. Они далеки от народа. Некоторым из них он представляется темной массой, которую они должны вести к свету. Но что освещает их путь? К

чему призывают они? На что надеются? Кто рассеет сумерки их души?.. Несмотря на симпатию автора и зрителя к Марье Львовне, вряд ли можно сказать, что она способна сделать это. Но своим присутствием она возбуждает недовольство жизнью, недостойной человека. В этом и заключалось основное значение пьесы.

Поэтому так бурно восприняли зрители первую постановку «Дачников». Она состоялась 10 ноября 1904 года в Петербурге в театре В. Ф. Комиссаржевской.

Чем далее разворачивалось действие пьесы, тем более разделялся зал на два лагеря: одни восторженно рукоплескали, другие шиканьем и выкриками выражали свое резкое неприятие. Одни из критиков видели в пьесе «резкий вызов, брошенный автором представителям культурных классов»[15 - Новости драматической литературы//Вестник и библиотека самообразования. 1905. № 5. С. 150.], другие - «драму общественного расслоения интеллигенции»[16 - Луначарский А. В. «Дачники» // Правда. 1905. Январь - февраль.]. Однако основное противоречие, уходящее глубокими корнями в вопрос о духовности героев, был обойден большинством критиков в угоду политической полемике. И сегодня мы можем сказать: глубокий и всесторонний анализ этой содержательной пьесы А. М. Горького - еще впереди: нынешнее поколение, несомненно, посмотрит на героев по-иному и откроет новые стороны духовной драмы интеллигенции, стоявшей на перепутье перед тремя русскими революциями XX века.

В. Троицкий

Посвящаю Константину Петровичу Пятницкому

М. Горький

На дне

Картины. Четыре акта

Действующие лица

Михаил Иванов Костылев, 54 года, содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин и Актер – приблизительно одного возраста: лет под 40.

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб и Татарин – крючники

Несколько босяков без имен и речей.

Акт первый

Подвал, похожий на пещеру. Потолок – тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет – от зрителя и, сверху вниз, – из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату – нары Бубнова. В левом углу – большая русская печь; в левой, каменной, стене – дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены – широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам – нары. На переднем плане у левой стены – обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем – перед наковальней – сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его – две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки – большой стол, две скамьи, табурет, всё – некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня – хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него – изодранная картонка из-под шляпы – для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатин только что проснулся, лежит на нарах и – рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер.

Начало весны. Утро.

Барон. Дальше!

Квашня. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня – поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь уж – ни за сто печеных раков – под венец не пойду!

Бубнов (Сатину). Ты чего хрюкаешь?

Сатин рычит.

Квашня. Чтобы я, говорю, свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала – нет! Да будь он хоть принц американский – не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой...

Барон(выхватив у Насти книжку, читает название). «Роковая любовь»[17 - «Роковая любовь» – роман немецкого писателя Эрнста фон Вильденбруха (1845–1909).]... (Хохочет.)

Настя(протягивая руку). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня(Клещу). Козел ты рыжий! Туда же – врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон(ударяя книгой по голове Настю). Дура ты, Настька...

Настя(отнимает книгу). Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька – ты где?

Настя(не поднимая головы). А?.. Уйди!

Анна(высовывая голову из-за полога). Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

Клещ. Заныла!

Анна. Каждый Божий день... Дайте хоть умереть спокойно!

Бубнов. Шум – смерти не помеха...

Квашня(подходя к Анне). И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

Анна. Оставь... отстань...

Квашня. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Барон. Квашня! На базар пора...

Квашня. Идем, сейчас! (Анне.) Хочешь – пельмешков горяченьких дам?

Анна. Не надо... спасибо. Зачем мне есть?

Квашня. А ты – поешь. Горячее – смягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю... захочешь когда, и покушай! Идем, барин... (Клещу.) У, нечистый дух... (Уходит в

кухню.)

Анна(кашляя). Господи...

Барон(тихонько толкает Настю в затылок). Брось... дуреха!

Настя(бормочет). Убирайся... я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

Сатин(приподнимаясь на нарах). Кто это бил меня вчера?

Бубнов. А тебе не все равно?..

Сатин. Положим – так... А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл...

Бубнов. За это и били...

Сатин. М-мерзавцы...

Актер(высовывая голову с печи). Однажды тебя совсем убьют... до смерти...

Сатин. А ты – болван.

Актер. Почему?

Сатин. Потому что – дважды убить нельзя.

Актер(помолчав). Не понимаю... почему – нельзя?

Клещ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру... чего нежишься?

Актер. Это дело не твое...

Клещ. А вот Василиса придет – она тебе покажет, чье дело...

Актер. К черту Василису! Сегодня Баронова очередь убираться... Барон!

Барон(выходя из кухни). Мне некогда убираться... я на базар иду с Квашней.

Актер. Это меня не касается... иди хоть на каторгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...

Барон. Ну, черт с тобой! Настёнка подметет... Эй, ты, роковая любовь! Очнись!
(Отнимает книгу у Насти.)

Настя(вставая). Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще – барин...

Барон(отдавая книгу). Настя! Подмети пол за меня – ладно?

Настя(уходя в кухню). Очень нужно... как же!

Квашня(в двери из кухни – Барону). А ты – иди! Уберутся без тебя... Актер! тебя просят – ты и сделай... не переломишься, чай!

Актер. Ну... всегда я... не понимаю...

Барон(выносит из кухни на коромысле корзины. В них – корчаги, покрытые тряпками). Сегодня что-то тяжело...

Сатин. Стоило тебе родиться бароном...

Квашня(Актеру). Ты смотри же, – подмети! (Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.)

Актер(слезая с печи). Мне вредно дышать пылью. (С гордостью.) Мой организм отравлен алкоголем... (Задумывается, сидя на нарах.)

Сатин. Организм... органон...

Анна. Андрей Митрич...

Клещ. Что еще?

Анна. Там пельмени мне оставила Квашня... возьми, поешь.

Клещ(подходя к ней). А ты – не будешь?

Анна. Не хочу... На что мне есть? Ты – работник... тебе – надо...

Клещ. Боишься? Не бойся... может, еще...

Анна. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, скоро уж...

Клещ(отходя). Ничего... может – встанешь... бывает! (Уходит в кухню.)

Актер(громко, как бы вдруг проснувшись). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...

Сатин(улыбаясь). Органон...

Актер(настойчиво). Не органон, а ор-га-ни-зм...

Сатин. Сикамбр...

Актер(машет на него рукой). Э, вздор! Я говорю – серьезно... да. Если организм – отравлен... значит – мне вредно мести пол... дышать пылью...

Сатин. Макробиотика... ха!

Бубнов. Ты чего бормочешь?

Сатин. Слова... А то еще есть – транс-сцедентальный[18 - Транс-сцедентальный – искаженное «трансцендентальный»(от лат. transcendens (transcendentis) – выходящий за пределы. Одно из основных понятий идеалистической философии И. Канта, обозначающее нечто изначально присущее рассудку и обуславливающее опыт.]...

Бубнов. Это что?

Сатин. Не знаю... забыл...

Бубнов. А к чему говоришь?

Сатин. Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова... все наши слова – надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

Клещ(выходя из кухни). Ты с метлой играть скоро будешь?

Актер. Не твое дело... (Ударяет себя в грудь рукой.) «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, – глухой шум, крики, свисток полицейского. Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

Сатин. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был... (Усмехаясь.) Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Бубнов. Слышал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот – скорняк был... свое заведение имел... Руки у меня были такие желтые – от краски: меха подкрашивал я, – такие, брат, руки были желтые – по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто грязные... да!

Сатин. Ну, и что же?

Бубнов. И больше ничего...

Сатин. Ты это к чему?

Бубнов. Так... для соображения... Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай – все сотрется... все сотрется, да!

Сатин. А... кости у меня болят!

Актер(сидит, обняв руками колени). Образование – чепуха, главное – талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

Сатин. Бубнов, дай пятак!

Бубнов. У меня всего две копейки...

Актер. Я говорю – талант, вот что нужно герою. А талант – это вера в себя, в свою силу...

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошел к черту! Много вас тут...

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

Анна. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори...

Клещ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я – на полу... пусти меня на свое место да и отвори... а я и без того простужен...

Бубнов(спокойно). Мне отворять не надо... твоя жена просит...

Клещ(угрюмо). Мало ли кто чего попросил бы...

Сатин. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Бубнов. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. (Встает.) Пойти ниток купить... А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. (Уходит.)

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актер(тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне). Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актер. Хочешь – в сени выведу? Ну, вставай. (Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.) Ну-ну... твердо! Я – сам больной... отравлен алкоголем...

Костылев(в дверях). На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка...

Актер. А ты – посторонись... видишь – больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь... (Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла. Клещ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.) Скрипишь?

Клещ. Чего?

Костылев. Скрипишь, говорю? (Пауза.) А-а... того... что, бишь, я хотел спросить? (Быстро и негромко.) Жена не была здесь?

Клещ. Не видал...

Костылев(осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла). Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

Клещ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь...

Костылев. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи знай в свое удовольствие... А я на тебя полтинку накину, – маслица в лампаду куплю... и будет перед святой иконой жертва моя гореть... И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь... ну вот... Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства... никто тебя не любит, не уважает... работа твоя скрипучая, беспокойная для всех...

Клещ(кричит). Ты что меня... травить пришел?

Сатин громко рычит.

Костылев(вздвогнув). Эх ты, батюшка...

Актер(входит). Усадил бабу в сених, закутал...

Костылев. Экой ты добрый, брат! Хорошо это... это зачтется все тебе...

Актер. Когда?

Костылев. На том свете, братик... там всё, всякое деяние наше усчитывают...

Актер. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

Костылев. Это как же я могу?

Актер. Скости половину долга...

Костылев. Хе-хе! Ты все шутишь, милачок, все играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта – она превыше всех благ. А долг твой мне – это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

Актер. Шельма ты, старец... (Уходит в кухню.)

Клещ встает и уходит в сени.

Костылев(Сатину). Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

Сатин. Кто тебя – кроме черта – любит?..

Костылев(посмеиваясь). Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (Вдруг, быстро.) А... Васька – дома?

Сатин. Погляди...

Костылев(подходит к двери и стучит). Вася!

Актер появляется в двери из кухни. Он что-то жуёт.

Пепел. Кто это?

Костылев. Это я... я, Вася.

Пепел. Что надо?

Костылев(отодвигаясь). Отвори...

Сатин(не глядя на Костылева). Он отворит, а она - там...

Актер фыркает.

Костылев(беспокойно, негромко). А? Кто - там? Ты... что?

Сатин. Чего? Ты - мне говоришь?

Костылев. Ты что сказал?

Сатин. Это я так... про себя...

Костылев. Смотри, брат! Шути в меру... да! (Сильно стучит в дверь.) Василий!..

Пепел(отворяя дверь). Ну? Чего беспокоишь?

Костылев(заглядывая в комнату). Я... видишь – ты...

Пепел. Деньги принес?

Костылев. Дело у меня к тебе...

Пепел. Деньги – принес?

Костылев. Какие? Погоди...

Пепел. Деньги, семь рублей, за часы – ну?

Костылев. Какие часы, Вася?.. Ах, ты...

Пепел. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей... три – получил, семь – подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей... а дела своего не знает...

Костылев. Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы – они...

Сатин. Краденые...

Костылев(строго). Я краденого не принимаю... как ты можешь...

Пепел(берет его за плечо). Ты – зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

Костылев. Да... мне – ничего... я уйду... если ты такой...

Пепел. Ступай, принеси деньги!

Костылев(уходит). Экие грубые люди! Ай-яй...

Актер. Комедия!

Сатин. Хорошо! Это я люблю...

Пепел. Чего он тут?

Сатин(смеясь). Не понимаешь? Жену ищет... И чего ты не пришибешь его, Василий?!

Пепел. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить...

Сатин. А ты – умненько. Потом – женись на Василисе... хозяином нашим будешь...

Пепел. Велика радость! Вы не токмо всё мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете... (Садится на нары.) Старый черт... разбудил... А я – сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне – огромнейший лещ! Такой лещ, – только во сне эдакие и бывают... И вот я его вожу на удочке и боюсь, – леса оборвется! И приготовил сачок... вот, думаю, сейчас...

Сатин. Это не лещ, а Василиса была...

Актер. Василису он давно поймал...

Пепел(сердито). Подите вы к чертям... да и с ней вместе!

Клещ(входит из сеней). Холодище... собачий...

Актер. Ты что же Анну не привел? Замерзнет...

Клещ. Ее Наташка в кухню увела к себе...

Актер. Старик – выгонит...

Клещ(сядась работать). Ну... Наташка приведет...

Сатин. Василий! Дай пятак...

Актер(Сатину). Эх ты... пятак! Вася! Дай нам двугривенный...

Пепел. Надо скорее дать... пока рубля не просите... на!

Сатин. Гиблартарр! Нет на свете людей лучше воров!

Клещ(угрюмо). Им легко деньги достаются... Они – не работают...

Сатин. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна – я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд – удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность, жизнь – рабство! (Актеру.) Ты, Сарданапал[19 - Сарданапал – Ашшурбанипал, последний ассирийский царь (годы царствования – 668–626 гг. до н. э.). Имя Сарданапала, отличающегося склонностью к роскоши, стало нарицательным.!] Идем...

Актер. Идем, Навухудоноссор[20 - Навухудоноссор – вавилонский царь Навуходоносор II (604–562 гг. до н. э.), прославившийся войнами, строительством крепостей и дворцов, а также разрушением «града Божия» Иерусалима.!] Напьюсь – как... сорок тысяч пьяниц[21 - ...как... сорок тысяч пьяниц... – перефразировка слов Гамлета о «сорока тысячах братьев», которые не могли бы сравняться с ним в любви к Офелии (Шекспир В. Гамлет, акт V, сцена 1).]...

Уходят.

Пепел(зевая). Что, как жена твоя?

Клещ. Видно, скоро уж...

Пауза.

Пепел. Смотрю я на тебя, – зря ты скрипишь.

Клещ. А что делать?

Пепел. Ничего...

Клещ. А как есть буду?

Пепел. Живут же люди...

Клещ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я – рабочий человек... мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь – я не вырвусь отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу... Вот, погоди... умрет жена... Я здесь полгода прожил... а все равно как шесть лет...

Пепел. Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести...

Пепел(равнодушно). А куда они – честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Бубнов(входит.). У-у... озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я – не богатый...

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...

Бубнов. А он что – занять хотел?

Пепел. У него – своей много...

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил... да и то в долг...

Пепел(поучительно). Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал... а то – Барона...

Клещ. Не о чем мне с ними говорить...

Пепел. Они – поумнее тебя будут... хоть и пьяницы...

Бубнов. А кто пьян да умен – два угодя в нем...

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее... И это – верно...

Наташа входит. За нею – Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел(приглаживая усы). А-а, Наташа!

Бубнов(Луке). Был честной, да позапрошлой весной...

Наташа. Вот – новый постоялец...

Лука. Мне – все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха – не плоха: все – черненькие, все – прыгают... так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Наташа(указывая на дверь в кухню). Туда иди, дедушка...

Лука. Спасибо, девушка! Туда так туда... Старику – где тепло, там и родина...

Пепел. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа...

Наташа. Поинтереснее вас... Андрей! Жена твоя в кухне у нас... ты погодя приди за ней.

Клещ. Ладно... приду...

Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго...

Клещ. Знаю...

Наташа. Знаешь... Мало знать, ты – понимай. Ведь умирать-то страшно...

Пепел. А я вот – не боюсь...

Наташа. Как же!.. Храбрость...

Бубнов(свистнув). А нитки-то гнилые...

Пепел. Право – не боюсь! Хоть сейчас – смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру – не охну! Даже – с радостью, потому что – от чистой руки...

Наташа(уходит). Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Бубнов(протяжно). А ниточки-то гнилые...

Наташа(у двери в сени). Не забудь, Андрей, про жену...

Клещ. Ладно...

Пепел. Славная девка!

Бубнов. Девица – ничего...

Пепел. Чего она со мной... так? Отвергает... Все равно ведь – пропадет здесь...

Бубнов. Через тебя пропадет...

Пепел. Зачем – через меня? Я ее – жалею...

Бубнов. Как волк овцу...

Пепел. Врешь ты! Я очень... жалею ее... Плохо ей тут жить... я вижу...

Клещ. погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней...

Бубнов. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст... баба – лютая...

Пепел(ложится на нары). Подите вы к чертям оба... пророки!

Клещ. Увидишь... погоди!..

Лука(в кухне, напевает). Середь но-очи... пу-уть-дорогу не-е видать...

Клещ(уходя в сени). Ишь, воеет... тоже...

Пепел. А скушно... чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь – все хорошо! И вдруг – точно озябнешь: сделается скушно...

Бубнов. Скушно? М-м...

Пепел. Ей-ей!

Лука(поет). Эх, и не вида-ать пути-и...

Пепел. Старик! Эй!

Лука(выглядывая из двери). Это я?

Пепел. Ты. Не пой.

Лука(выходит). Не любишь?

Пепел. Когда хорошо поют – люблю...

Лука. А я, значит, не хорошо?

Пепел. Стало быть...

Лука. Ишь ты! А я думал – хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя – хорошо я делаю! Хвать – а люди недовольны...

Пепел(смеясь). Вот! Верно...

Бубнов. Говоришь – скушно, а сам хохочешь.

Пепел. А тебе что? Ворон...

Лука. Это кому – скушно?

Пепел. Мне вот...

Барон входит.

Лука. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и – плачет! Право! Слезы текут... Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она – жалко! Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке... Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки...

Барон. Это – дура...

Пепел. Барон! Чай пил?

Барон. Пил... дальше!

Пепел. Хочешь – полбутылки поставлю?

Барон. Разумеется... дальше!

Пепел. Становись на четвереньки, лай собакой!

Барон. Дурак! Ты что – купец? Или – пьян?

Пепел. Ну, полай! Мне забавно будет... Ты барин... было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал... и всё такое...

Барон. Ну, дальше!

Пепел. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой – ты и будешь... ведь будешь?

Барон. Ну, буду! Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе...

Бубнов. Верно!

Лука. И я скажу – хорошо!..

Бубнов. Что было – было, а остались – одни пустяки... Здесь господ нету... все слиняло, один голый человек остался...

Лука. Все, значит, равны... А ты, милый, бароном был?

Барон. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Лука(смеется). Графа видал я и князя видал... а барона – первый раз встречаю, да и то испорченного...

Пепел(хохочет). Барон! А ты меня сконфузил...

Барон. Пора быть умнее, Василий...

Лука. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, – житье ваше – о-ой!..

Бубнов. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье...

Барон. Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью... кофе! – со сливками... да!

Лука. А всё – люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь... И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее... и хоть живут – всё хуже, а хотят – всё лучше... упрямые!

Барон. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Лука. Я-то?

Барон. Странник?

Лука. Все мы на земле странники... Говорят, – слышал я, – что и земля-то наша в небе странница.

Барон(строго). Это так, ну а – паспорт имеешь?

Лука(не сразу). А ты кто, – сыщик?

Пепел(радостно). Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Бубнов. Н-да, получил барин...

Барон(skonфуженный). Ну, чего там? Я ведь... шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет...

Бубнов. Врешь!

Барон. То есть... я имею бумаги... но – они никуда не годятся[22 - Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся. – Лука высказывается в духе «бегунской» («страннической») секты (см. примеч. к с. 165), которая проповедовала разрыв с «миром антихриста». «Бегуны» не признавали никаких государственных бумаг, а некоторые («безденежники») считали непозволительным даже пользоваться деньгами. Вступая в секту, «бегуны» обычно уничтожали свой паспорт (см.: Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. Спб., 1872. Т. IV. С. 90).]...

Лука. Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся.

Пепел. Барон! Идем в трактир...

Барон. Готов! Ну, прощай, старик... Шельма ты!

Лука. Всяко бывает, милый...

Пепел(у двери в сени.). Ну, идем, что ли! (Уходит. Барон быстро идет за ним.)

Лука. В самом деле, человек-то бароном был?

Бубнов. Кто его знает? Барин, это верно... Он и теперь – нет-нет да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Лука. Оно, пожалуй, барство-то – как оспа... и выздоровеет человек, а знаки-то остаются...

Бубнов. Он ничего все-таки... Только так иногда брыкнется... вроде как насчет твоего паспорта...

Алешка(входит выпивши, с гармонией в руках. Свистит). Эй, жители!

Бубнов. Чего орешь?

Алешка. Извините... простите! Я человек вежливый...

Бубнов. Опять загулял?

Алешка. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло... ни-ни! Я – человек с характером... А хозяин на меня фыркает... А что такое – хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно... Пьяница он, хозяин-то... А я такой человек, что... ничего не желаю! Ничего не хочу и – шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я – ничего не хочу.

Настя выходит из кухни.

Давай мне миллион – н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой... пьяница, – не желаю! Не хочу!

Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.

Лука(добродушно). Эх, парень, запутался ты...

Бубнов. Дурость человеческая...

Алешка(ложится на пол). На, ешь меня! А я – ничего не хочу! Я – отчаянный человек! Объясните мне – кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи – морду побью! А я – пойду... пойду лягу середь улицы – дави меня! Я – ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж... так ломается...

Алешка(увидав ее, встает на колени). Барышня! Мамзель! Парле франсе[23 - Парле франсе – искаженное французское выражение Parlez-vous fran?ais? (Вы говорите по-французски?)]... прейскурант! Загулял я...

Настя(громко шепчет). Василиса!

Василиса(быстро отворяя дверь, Алешке). Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте... пожалуйста...

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь... а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна... хошь, я тебе... похоронный марш сыграю?

Василиса(толкает его в плечо). Вон!

Алешка(подвигаясь к двери.). Постой... так нельзя! Похоронный марш... недавно выучил! Свежая музыка... погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу – нельзя... я всю улицу натравлю на тебя... язычник ты проклятый... молод ты лаять про меня...

Алешка(выбегая). Ну, я уйду...

Василиса(Бубнову). Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе...

Василиса. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь – не забудь! Сколько должен мне?

Бубнов(спокойно). Не считал...

Василиса. Смотри – я посчитаю!

Алешка(отворив дверь, кричит). Василиса Карповна! А я тебя не боюсь... н-не боюсь! (Прячется.)

Лука смеется.

Василиса. Ты кто такой?..

Лука. Проходящий... странствующий...

Василиса. Ночуешь или жить?

Лука. Погляжу там...

Василиса. Пачпорт!

Лука. Можно...

Василиса. Давай!

Лука. Я тебе принесу... на квартиру тебе приволоку его...

Василиса. Прохожий... тоже! Говорил бы - проходимец... всё ближе к правде-то...

Лука(вздыхнув). Ах, и неласкова ты, мать...

Василиса идет к двери в комнату Пепла.

Алешка(выглядывая из кухни, шепчет.) Ушла? а?

Василиса(оборачивается к нему). Ты еще здесь?

Алешка, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.

Бубнов(Василисе). Нет его...

Василиса. Кого?

Бубнов. Васьки...

Василиса. Я тебя спрашивала про него?

Бубнов. Вижу я... заглядываешь ты везде...

Василиса. Я за порядком гляжу – понял? Это почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз приказывала, чтобы чисто было?

Бубнов. Актеру мести...

Василиса. Мне дела нет – кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда... всех вас – вон!

Бубнов(спокойно). А чем жить будешь?

Василиса. Чтобы соринки не было! (Идет в кухню. Насте.) Ты чего тут торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью... видела? Была она тут?

Настя. Не знаю... не видела...

Василиса. Бубнов! Сестра была здесь?

Бубнов. А... вот его привела она...

Василиса. Этот... дома был?

Бубнов. Василий? Был... С Клещом она тут говорила, Наталья-то...

Василиса. Я тебя не спрашиваю – с кем! Грязь везде... грязища! Эх, вы... свиньи! Чтобы было чисто... слышите! (Быстро уходит.)

Бубнов. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Лука. Сурьезная бабочка...

Настя. Озвереешь в такой жизни.... Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее...

Бубнов. Ну, она не очень крепко привязана...

Лука. Всегда она так... разрывается?

Бубнов. Всегда... К любовнику, видишь, пришла, а его нет...

Лука. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается... и всякими страхами друг дружку стращает, а все порядка нет в жизни... и чистоты нет...

Бубнов. Все хотят порядка, да разума нехватка. Однако же надо подмести...
Настя!.. Ты бы занялась...

Настя. Ну да, как же! Горничная я вам тут... (Помолчав.) Напьюсь вот я сегодня... так напьюсь!

Бубнов. И то – дело...

Лука. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь – напьюсь!

Настя(вызывающе). А напьюсь – опять плакать буду... вот и все!

Бубнов. Не много...

Лука. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит...

Настя молчит, качая головой.

Лука. Так... Эхе-хе... господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Бубнов. За дверью, в сенях...

Лука идет в сени.

Бубнов. Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет... а Наташу взять себе... Уйду я отсюда... на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне... Лишняя я здесь...

Бубнов(спокойно). Ты везде лишняя... да и все люди на земле – лишние...

Настя качает головой. Встает, тихо уходит в сени. Медведев входит. За ним – Лука с метлой.

Медведев. Как будто я тебя не знаю...

Лука. А остальных людей – всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать... а тебя вот – не знаю...

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько и опричь его... (Уходит в кухню.)

Медведев(подходя к Бубнову). Правильно, участок у меня невелик... хоть хуже всякого большого... Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез... Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще – движение... могут раздавить колесами и прочее... Буйный парнишка... Ну, сейчас я его и... представил. Очень любит беспорядок...

Бубнов. Вечером в шашки играть придешь?

Медведев. Приду. М-да... А что... Васька?

Бубнов. Ничего... все так же...

Медведев. Значит... живет?

Бубнов. Что ему не жить? Ему можно жить...

Медведев(сомневаясь). Можно?

Лука выходит в сени с ведром в руке.

М-да... тут – разговор идет... насчет Васьки... ты не слыхал?

Бубнов. Я разные разговоры слышу...

Медведев. Насчет Василисы, будто... не замечал?

Бубнов. Чего?

Медведев. Так... вообще... Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают... (Строго.) Врать нельзя, брат...

Бубнов. Зачем мне врать!

Медведев. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой... дескать... а мне что? Я ей не отец, я – дядя... Зачем надо мной смеяться?..

Входит Квашня.

Какой народ стал... надо всем смеется... А-а! Ты... пришла...

Квашня. Разлюбезный мой гарнизон! Бубнов! Он опять на базаре приставал ко мне, чтобы венчаться...

Бубнов. Валяй... чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий...

Медведев. Я-то? Хо-хо!

Квашня. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за больное место не тронь! Это, миленький, со мной было... Замуж бабе выйти – все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала – на всю жизнь памятно...

Медведев. Ты – погоди... мужья – они разные бывают.

Квашня. Да я-то все одинакова! Как издох мой милый муженек, – ни дна бы ему ни покрышки, – так я целый день от радости одна просидела: сижу и все не верю счастьем своему...

Медведев. Ежели тебя муж бил... зря – надо было в полицию жаловаться...

Квашня. Я Богу жаловалась восемь лет, – не помогал!

Медведев. Теперь запрещено жен бить... теперь во всем – строгость и закон-порядок! Никого нельзя зря бить... бьют – для порядку...

Лука(вводит Анну). Ну, вот и доползли... эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить? Где твое место?

Анна(указывая). Спасибо, дедушка...

Квашня. Вот она – замужняя... глядите!

Лука. Бабочка совсем слабого состава... Идет по сеням, цепляется за стенки и – стонает... Пошто вы ее одну пущаете?

Квашня. Недоглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла...

Лука. Ты вот – смеешься... а разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит...

Медведев. Надзор нужен! Вдруг – умрет? Канитель будет из этого... Следить надо!

Лука. Верно, господин ундер...

Медведев. М-да... хоть я... еще не совсем ундер...

Лука. Н-ну? А видимость – самая геройская!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Новости дня. 1902. № 351. 24 дек.

2

Крючник – таскающий тяжести с помощью крюка, носильщик.

3

Сикамбр. – Сикамбры – древнегерманское племя, жившее по берегам Рейна.

4

Макробиотика – наука о продлении жизни, одним из основателей которой был немецкий врач К. В. Гуффеланд (1762 – 1836). Книга Гуффеланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (Спб., 1852) в переводе имела подзаголовок «Макробио-тика».

5

Качалов В. И. Из воспоминаний //М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 206.

6

В речах притворяющегося святошей Михаила Костылева (его имя переводится как «подобный Богу», но в сочетании с «говорящей» фамилией оно выглядит сниженно, почти пародийно) и Константина Сатина (имя его в переводе означает «постоянный», но дается оно зачастую по контрасту человеку, обладающему устойчивым непостоянством) смешиваются в отношении к людям достойные и недостойные слова.

7

Парадокс – здесь: необычное мнение, внешне противоречащее здравому смыслу.

8

В 1903 году появилось одно из ярких описаний подобного путешествия – книга Г. Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» с предисловием В. Г. Короленко.

9

Так первоначально называлась драма А. М. Горького.

10

Петербургская газета. 1903. № 161. 15 июня.

11

Муравьев А. «Старик – не шарлатан...» О трактовке образа Луки //Литература в школе. 1980. № 6. С. 52.

12

Засодимский П. Из воспоминаний. М., 1908. С. 153.

13

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 359.

14

Из письма А. М. Горького Максу Рейгардту, немецкому режиссеру, от декабря 1904 г. // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 345.

15

Новости драматической литературы//Вестник и библиотека самообразования. 1905. № 5. С. 150.

16

Луначарский А. В. «Дачники» // Правда. 1905. Январь – февраль.

17

«Роковая любовь» – роман немецкого писателя Эрнста фон Вильденбруха (1845–1909).

18

Транс-сцедентальный – искаженное «трансцендентальный» (от лат. transcendens (transcendentis) – выходящий за пределы. Одно из основных понятий идеалистической философии И. Канта, обозначающее нечто изначально присущее рассудку и обуславливающее опыт.

19

Сарданапал – Ашшурбанипал, последний ассирийский царь (годы царствования – 668–626 гг. до н. э.). Имя Сарданапала, отличающегося склонностью к роскоши, стало нарицательным.

20

Навуходоносор – вавилонский царь Навуходоносор II (604–562 гг. до н. э.), прославившийся войнами, строительством крепостей и дворцов, а также

разрушением «града Божия» Иерусалима.

21

...как... сорок тысяч пьяниц... – перефразировка слов Гамлета о «сорока тысячах братьев», которые не могли бы сравняться с ним в любви к Офелии (Шекспир В. Гамлет, акт V, сцена 1).

22

Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся. – Лука высказывается в духе «бегунской» («страннической») секты (см. примеч. к с. 165), которая проповедовала разрыв с «миром антихриста». «Бегуны» не признавали никаких государственных бумаг, а некоторые («безденежники») считали непозволительным даже пользоваться деньгами. Вступая в секту, «бегуны» обычно уничтожали свой паспорт (см.: Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. Спб., 1872. Т. IV. С. 90).

23

Парле франсе – искаженное французское выражение Parlez-vous fran?ais? (Вы говорите по-французски?)

Купить: <https://tellnovel.com/maksim-gorkiy/na-dne-dachniki-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)